

СМЕНА ВЕХ

СЕГОДНЯ на вопрос, что происходит в петербургском театре, чаще всего отвечают: ничего. Хотя это даже не полуправда. Происходит. Но явным становится в моменты трагические или по-театральному эффектные.

...Умер — прямо у себя в театре, в ложе, во время спектакля — Рубен Агамирзян. Ушла — на пенсию! — из Театра комедии Елена Кутер. Ушел из Большого театра куклы, крепко хлопнув дверью, Александр Великий. И вдруг обнаружилось, что изменился климат, сместились отношения. И вдруг оказалось, что в городе не осталось китов. А значит, закончилась некая эпоха, которую правомерно, видимо, именовать товстоноговской.

Процессы эти — как радиация. Без впуска и запяха. И столь же необратимы. Сегодня есть человек, завтра — нет. Сегодня еще театр полон идей, концепций, он борется тайно или открыто с властями. Завтра идеология становится плоской, как фанера, из концепции торчат ржавый остои, а художник, зажатый в угол единомышленниками-демократами, свободен главным образом от средств и существования. Тут повсюду воспоминания про настоящих китов, которые вдруг начинают выбрасываться на сушу и умирать от неопытных болезней. Киты чувствуют, что кончилось их время, что к иному климату им уже не приспособиться.

Я не хочу сказать, что петербургские театры остались вовсе без режиссуры, без личностей. Но даже если мы в ладе Льва Додина обнаружим театрального кита, хоть и новой формации, то все равно не удовлетворимся, ибо мир держится как минимум на трех китах, одного даже европейского класса недостаточно. Есть личность, есть художник, но они не составили пока основу для нового мира. Может быть, средневековая теория устарева и сменится миропорядок? Может быть, мешают достигшая предела расщедротченность, когда каждый сам по себе и считается хорошим тоном делать вид, будто ты даже не подозреваешь, что там, в соседнем театре? В любом случае театральный мир завыс в воздухе. И ты ощущаешь пьянящее, но жутковатое чувство невесомости. Мы догадываемся, что завыс не только наш маленький и несерьезный (в масштабе мировой революции) театральный мирок. Несомненно и все бывшее наше общество, вся бывшая страна. А в компаниях уже не так страшно. И паника наша ничтожна по сравнению со всеобщей-всесоюзно-всероссийской. Несомненими и радости. Если равные артиста, вернувшегося с гастролей из Керчи или Вологды, спрашивали: как принимали? — то теперь: есть ли мясо и почему?

С китами уходят целые пласты. Их жизненный опыт. Их художественные слабости и пристрастия. На протяжении многих лет, невзирая на хо-

лодность критики и вежливым снохобительством коллег, Р. Агамирзян ставил и ставил спектакли о войне. Начал «Дневником Анны Франк» и закончить мог им же — не успел. Война была его личной болью. Ее не унаследуешь.

Никто не продолжает и того, о чем болела душа у Ефима Падве. Это поколение готовилось к роли китов. Так их учил Товстоногов. Так они начинали. А потом оказались чем-то вроде травы, что росла сама по себе. Ее топтали, не задумываясь, что нужно как мянину косить, а еще лучше — подстригать маленькими ножницами. Их же, словно сорняки, выдирали с корнем. Выжили едяицы (тогда же Додин), но китовые инстинкты потеряли. Постепенно даже произошло как бы разделение на две несмыкающиеся профессии: одни сделали «администраторами своего таланта», не имея оного, другие из инстинкта самосохранения ушли с должностей на вольные хлеба, в педагогику, в студийные подвалы. И нынче, в новые времена, все равно никому не придет в голову назначить главным режиссером В. Фильштинского, В. Воробьева, Л. Стуалова или К. Дзедзице, хотя как художники они гораздо выше многих ныне продюсеров, менее строптивых и более трезвых. Самые мудрые, как, скажем, Теймур Чиедзе, желанный гость на петербургской сцене, яв за какие коврижки не соглашаются идти в ярмо. Он говорит: «Я свободный художник!» — и это видно по его спектаклям, в том

Без китов

числе по только что поставленной на Марининской сцене опере «Игрок», где режиссера не сковывают ни штампы, ни традиции, ни условности жанра, ни тени великих предшественников.

Новая бескиотовая жизнь породила и новую атмосферу. Отсутствие конкуренции в верхней планке, потянувшие в бозе плавовые премьеры, растерянность перед новой экономической ситуацией — все это смещает акценты, рушит иерархию, сбивает с толку и театры, и публику. Год кончается, прошло полсезона, но все словно оцепенело, ожидая чего-то важного. Кто-то с замораживанием сердца ждет доджинских «Весов», которые теперь-то уж будут (в Браунштейне, на фестивале «Театральные формы-91» премьера состоялась 9, 10 и 11 ноября). Кто-то надеется на привозное чудеса. Так, весь театральный Петербург вдруг кинулся лицезреть «Навою диму» Олега и Юрия Борисовых и долго изумлялся оттого, что хореография Альфы Ситникова и сильный дуэт Сергея Вакарева и Сергея Шиндыко направлены в насхпс сбитуку раму приблизительного замысла...

Большинство спектаклей даже и не квалифицируются как художественные явления: это рутинная, затухающий производственный процесс, позволяющий платить работникам пособия. Порой, правда, из самых замешенных углов доносятся декларации, такие, что оторвать берет. Так, Игорь Владимиров, чей театр в кои-то веки выпустил один за другим два спектакля — мелодраму А. Насоны «Диярь» («Третье слово») и комедию Н. Лепраза «Крошка» («Малыш»), — объявил вдруг эти старинные шпесы новым направлением. Интересно, как же история театра будут трактовать его «Женский монастырь», «Днепр хлопает», «Миссис Пайпер ведет следствие»? Слабость и незатейливый сюжетам понятна и простительна. Зритель тоже не хочет думать и страдать, ему бы посмеяться. Так и чему я кривить душой? Ведь даже без китов видимо — где коммерция, где самодельность, а где искусство.

Елена АЛЕКСЕЕВА.